

Образ Е.Л. Стрешневой через глубину столетий

21 поколение, более 50: князей, великих князей, царей, составляющих династию Рюриковичей, правящих на Руси более 7 веков, пресеклись со смертью «блаженного на троне»¹, царя Федора Иоанновича (1557-1598). Процесс разрушения сильной государственной власти, начавшийся при его воцарении в 1584 г., привел Россию, после его кончины к катастрофическому периоду Смутного времени. Суть которого - сплав: кризисов (государственной власти, социального), национальной войны и революции, которая «расшатывала всю страну, заливала ее потоками крови и покрывала развалинами».² Действительно: прервалась постепенная династическая передача венца, скипетра и державы; 15 лет потрясали страну проявления полного паралича государственной власти (чехарды царей-самозванцев на российском престоле) - польско-литовская интервенция, разруха, голод, эпидемии, разложение всех слоев общества.

Однако, нельзя согласиться с К.Ф. Валишевским, что «революция... пронеслась разрушительным и бесплодным ураганом». Да, Россия вышла из кризисного состояния «тяжело изувеченной и истерзанной, с двойным вырезом у своих границ и страшно израненным центром».³ Но по мнению В.О. Ключевского, «усиленная работа политической мысли вовремя и тотчас после» Смутного времени, обогатила социальное сознание новыми понятиями, которые в свою очередь «изменили старый привычный взгляд общества на государя и государство... Прежде государство мыслилось в народном сознании только при наличности государя, воплощалось в его лице и поглощалось им». Уроки Смутного времени привели к тому, что «неразделимые прежде понятия стали разделяться... стали... приходить в иное соотношение основные стихии государственного порядка: государь, государство и народ». Идея государства «стала сливаться с понятием о народе ... мысль о государе – хозяине ... постепенно... осложнялась новой политической идеей государя-избранника народа». В итоге «государство, оставшееся без государя, не распалось, а собралось с силами и выбрало себе нового царя».⁴

21.02.1613 г. был созван Великий Земский Совет «на коем положили единогласно: избрать в Цари Михаила Федоровича Романова-Юрьева». «Июля 11-го, т.е. на канун дня рождения своего, венчался Царя Михаил Федорович на царство».⁵

*«Царствование Михаила было временем усиленной работы правительства совместно с земским собором. Никогда, ни прежде, ни после, не собирались так часто выборные от всех чинов людей Московского государства. ...царь, избранный народной волей, советом всей земли, естественно, должен был и править при содействии народа, земского представительства».*⁶

Личность царя, Михаила Федоровича Романова (1596-1645), «как нельзя более способствовала укреплению его власти: мягкость, доброта и чистота этого государя производили на народ самое выгодное для верховной власти впечатление ... исключала мысль, чтобы какое-нибудь зло могло проистекать от него, и всё, что не нравилось тому или другому, падало на ответственность лиц, посредствующих между верховной властью и

¹ Творогов О.В. Князья Рюриковичи: Краткие биографии. – М.: Русский мир, 1992. – С. 6.

² Валишевский К. Смутное время. –М.: ИКПА, 1989. – С. 91, 229, 346, 415.

³ Там же. – С. 415, 416

⁴ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-х книгах. Кн.2. - М.: Мысль, 1993. – С. 184, 185.

⁵ Берх В. Царствование царя Михаила Фёдоровича и взгляд на междуцарствие. В 2-х частях. Ч.1. - СПб: Тип. Х. Гинце, 1832. – С. 85, 90

⁶ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-х книгах. Кн.2. - М.: Мысль, 1993. – С. 194, 195

народом... Псковское сказание, которое... нельзя заподозрить в официальной лести, всего лучше выражает этот взгляд...».⁷

Во главе с первым царем новой династии Романовых, российское государство вышло из пике Смутного времени и поднялось на новый эволюционный виток. А XVII век стал эпохой самого полного расцвета, как основ отечественных националистических идеалов, так и периодом подготовки петровских инноваций по европеизации России.⁸

Всё так. Однако исторический опыт – не только производная физического существования, выживания человека, общества вкупе с богатством всех форм духовной жизни личности, цивилизации, но и первообразная социально организованных стереотипов поведения, эволюционирующего императива поведения. Да, опыт истории – мерило уровня социального развития, материальной и духовной культуры общества, но т.к. его суть – банк:

- знаний, артефактов (накопленных поколениями);
- событий, судеб (вероятностных аналогов современным);

- ликов истории всего реестра сложности человеческой сущности, богатейшей палитры красок интеллекта, эмоций, дарований, честолюбия, то это, и школа познания людей, особенно облеченных властью. Школа, которая учит выстраиванию графа причинно-следственных связей особенностей характера человека и соответствия его замыслам результатов их реализации.

По мнению И.Е. Забелина, «характеристика женской личности всегда служит вполне верным изображением самого общества».⁹ Рядом с первым представителем династии Романовых, отечественная история высвечивает две женских судьбы:

первая – мать - Ксения Иоанновна Романова (?-1631), урожденная Шестова, в монашестве – Марфа;

вторая – жена, мать всех его детей - Евдокия Лукьяновна Романова (1608-1645), урожденная Стрешнева, уроженка Калужского края.

В XVII веке общество «органической клеточкой» бытия которого был род, всем ходом жизни которого управляло «родительское патриархальное начало», выстраивавшее все социальные взаимоотношения и приоритеты в иерархию родового старшинства, а монашеский идеал, считавшее «исключительным идеалом высоконравственной жизни», не признавало женскую личность самостоятельным членом общества. «Церковь же, по необходимости, указывала женской личности лишь один путь нравственно-самостоятельной жизни – монастырь. Это был в действительности единственный путь не только для спасения, но и для самостоятельного, сколь-нибудь независимого положения в общественной жизни».¹⁰

У родоначальницы династии Романовых инокини Марфы такая необходимость была. В 1603г. вместе с мужем Романовым Федором Никитовичем (1550-1633) она была пострижена насильно. В 1613г., когда Федор Никитович находился в польском плену, становится главой рода, т.е. «играет в некоторых отношениях мужскую роль... приобретает сильные самостоятельные черты и в общественной жизни, и в исторических событиях...».¹¹

Воистину так:

Во-первых, после принятия решения об избрании Михаила Федоровича Романова на российский престол, было два одновременных обращения Земского Собора 1613 года: грамота к новоизбранному царю, убеждающая его принять венец и грамота к его матери, инокине Марфе, с мольбой о согласии и благословении сына на царство.¹² «Зная историю, эта женщина не пускала своего сына на царство, говоря, что это дело хлопотное и что она не

⁷ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 книгах. Кн. 5. Т.IX-X. -М.: Мысль, 1990. – С. 248

⁸ Милюков П.Н. Национальный вопрос: Происхождение национальности и национальные вопросы в России. - М.: Гос. публичная историческая б-ка России, 2005. – С. 96

⁹ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. – С. 6

¹⁰ Там же. – С. 22, 46, 97

¹¹ Там же. – С. 7

¹² Берх В. Царствование царя Михаила Фёдоровича и взгляд на междуцарствие. В 2-х частях. Ч.1. - СПб: Тип. Х. Гинце, 1832. – С. 86, 87

хочет, чтобы ее Мишеньку прикончили, как Отрепьева и Тушинского вора. Но поскольку все обещали «блюсти государя», то ей ничего не оставалось делать, как стать матерью московского царя».¹³ Только после согласия и благословения матери, согласие дал Михаил Федорович.

Во-вторых, до освобождения в 1619 г. из польского плена Федора Никитовича, в иночестве Филарета, мать была ближайшей советницей царя.¹⁴

В допетровскую эпоху только «мужчине исключительно принадлежали интересы общественности. Женщине оставалось обязанность жить дома, жить семейно, быть человеком исключительно домашним, и в существенном смысле быть вместе с домом и домочадцами только орудием, средством для жизни общественного человека – мужчины». В XVII веке эта суть стала нормой, каноном социального бытия, т.к. определялось оно идеалом родительской опеки. «По этому идеалу создавалось наше общество и государство... этот идеал... знал только идею рода, идею отечества, т.е. идею принадлежности лица известному отцу или роду, идею полной зависимости лица от своего родства». Т.е. на этом временном промежутке в общественном сознании полностью отсутствовали как сама идея самостоятельной человеческой личности, так и идеал человеческого достоинства, ибо «лицо не само себя представляло, а являлось представителем известного старшинства или меньшинства по степеням рождения». (По христианским догматам женщина всегда относилась к «меньшинству»). А посему, в российском обществе на этой эволюционной ступени как «самостоятельная женская личность», так и «общественные права женщины» - нонсенс. Оно, это общество, не могло ничего «выработать для нравственного и социального освобождения личности» вообще, а уж тем более женской личности. Индивидуальных устремлений вообще не существовало в женском сознании в XVII в. «Жизнь родом, а не личностью, жизнь в круговой зависимости и в круговой опеке – это жизнь правильная и счастливая».¹⁵

Нравственно-философским обоснованием этой социальной концепции стал литературный памятник неопределимого значения для нашей истории – «Домострой». Он является сводом правил общежития в отношении духовного, мирского, домового строений общества.¹⁶ «Домострой есть зеркало... нашего допетровского развития, зеркало общества и общественности... под его сильнейшим влиянием совершались постройка и нашего государства...».¹⁷ Постнические идеи, монашеский идеал – вот суть «Домостроя». По его постулатам благочестивый, т.е. самый лучший дом – это дом по своей жизни уподобившийся монастырю, а поэтому появление терема в таком доме, максимально изолировавшего женщину от общества, – суть логической производной. Т.к. по христианским понятиям «появление терема было воплощением благочестивых воззрений на женскую личность, как на соблазн мира...».¹⁸

Положение русской царицы в XVII веке было ограничено еще более жесткими социальными шорами в силу особого, исключительного ее положения. Это в полной мере проявилось в судьбе первой представительницы династии Романовых, Стрешневой Евдокии Лукьяновны.

«Избранная невеста, вступая во дворец царевною, среди радостей и полного счастья, неизобразимого... особенно для ее родных, вовсе не предчувствовала, что именно с этой минуты участь ее держится на одном волоске, что... ее личность становится игрищем самых коварных, низких и своекорыстных замыслов». Это положение является следствием

¹³ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. - М.: Экспресс, 1992 – С. 234

¹⁴ Берх В. Царствование царя Михаила Фёдоровича и взгляд на междоусобицу. В 2-х частях. Ч.1. - СПб: Тип. Х. Гинце, 1832. – С. 300, 301.

¹⁵ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. – С. 7, 11, 18, 21, 33

¹⁶ Литература и культура Древней Руси. - М.: Высшая школа, 1994. – С. 37

¹⁷ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. – С. 27

¹⁸ Там же. – С. 53

того, что в Древней Руси «государством, как и самим государем... управлял какой-либо один род, одна партия особенно близких к государю, его домашних людей. А такими людьми по весьма понятным причинам очень часто являлись его родственники по жене-царице. Вот почему государства женитьба приобретала для всего двора, для всего правящего общества... самый жизненный смысл. ...Выбор государевой невесты подымал в дворовой среде столько страстей, столько тайных козней и всяческих интриг, что... замкнутый царский терем... являлся на деле самым открытым местом для действия потаенных врагов и самым тесным и опасным местом для жизни.»¹⁹

Примерами тому, являются судьбы: первой невесты Царя Михаила Федоровича (Марии Ивановны Хлоповой), ставшей в 1616 году жертвой интриги двоюродных братьев царя и его высших сановников: дворецкого Бориса Михайловича Салтыкова (?-1644) и кравчего Михаила Михайловича Салтыкова (?-1671);²⁰ и первой его супруги (княжны Долгорукой Марии Владимировны), которая умерла через четыре месяца после свадьбы в 1624 году. Многие приписывали эту загадочную смерть яду, подсыпанному царице врагами Долгоруковых.²¹

Поэтому второй брак царя со Стрешневой Евдокией Лукьяновной был политическим – браком с представительницей захудалого, провинциального, невлиятельного дворянского рода. «О царице... ее же постельницы говаривали: не дорога де она государыня; знали они ее, коли она хаживала в жолтиках (простых чеботах); ныне де ее государыню Бог возвеличил!».²² «Но дабы приккрыть намерение сие благовидным предлогом, распустили слух, что Царь был очарован красотой Стрешневой дочери».²³ Мы не знаем обстоятельств, которые уберегли первую царицу династии Романовых от порчи, но сия чаша ее миновала.

Однако, всегда «женщина-царица является жертвою уже не одного семейного начала, но сверх того и жертвою государственных идей, которые, хотя и возносят ее лицо на высоту недостижимую, но в то же время ограничивают смысл ее доли исключительно значением родительницы, значением почвы, в которой не должен иссякнуть корень государственного рода. ... Она должна была дать наследника царю и царству. В этом заключался главный, основной смысл ее царственного положения».²⁴

«Дамоклов меч» «неплодия» висел над Евдокией Лукьяновной на протяжении всех 19 лет ее супружества. Царица имела семь дочерей и трех сыновей. Из них выжили: Ирина (1627-1679), Алексей (1629-1676), Анна (1630-1692) и Татьяна (1736-1706), остальные дети умерли или в младенчестве, или в раннем детском возрасте.²⁵ После не совсем благополучных родов в 1639 г., в течение 6 лет, до самой смерти Евдокия Лукьяновна оставалась бесплодною. «Она по свидетельству современников, с того времени «была перед прежним скорбна и меж супругами в их государском здоровье и в любви стало не по-прежнему»».²⁶

Бытие Евдокии Лукьяновны, «нравственным идеалом домашнего устройства в допетровском быту... Молитва и милостыня – вот исключительная, единственная... стихия этой жизни... Келейное, т.е. домовное, и церковное правило и подвиги милосердия, - вот в чем заключалось главное, коренное и неизменное дело этой жизни».²⁷

¹⁹ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. – С. 107, 108, 112

²⁰ Дворянские роды Российской Империи. В 3-х томах. Т.II. Князья. - СПб: Вести, 1995. – С. 205, 206

²¹ Дворянские роды Российской Империи. В 3-х томах. Т. I. Князья. - СПб: Вести, 1993. – С. 198, 199

²² Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. – С. 112

²³ Берх В. Царствование царя Михаила Фёдоровича и взгляд на междоусобицу. В 2-х частях. Ч.1. - СПб: Тип. Х. Гинце, 1832. – С. 148

²⁴ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. – С. 98, 129

²⁵ Шевченко В.И. Из истории государства Российского. 1613-1917. Династия Романовых. Буклет. - М.: РОССИИЧ, 1991. – 32 с.

²⁶ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. – С. 137

²⁷ Там же. – С. 141

Царица Евдокия Лукьяновна усердно молилась о даровании ей сына и великую надежду возлагала на преподобного Александра Чудотворца Сиверского. «Царь в 1643 году устроил для мощей Чудотворца богатую серебряную раку, а царица «устроила швейным художеством своими руками, со благородными своими чады (дочерьми), цветных синет на плащанице образ св. Живоначальныя Троицы и преподобного отца Александра, и украсила золотом и серебром и бисером (жемчугом) со драгим камением, и повелела положить на многочисудесныя мощи преподобнаго...». Но Бог не благословил этого благочестивого ходатайства. Царь Михаил через 2 года скончался, за ним вскоре скончалась, и царица». В остальных случаях «молитвенная мысль царицы сосредоточивалась главным образом в делах и делах собственной царской семьи... богомольными выходами царицы... управляли по преимуществу события или различные чрезвычайные обстоятельства ее домашней семейной жизни». «Годовые богомольные выходы и выезды... вызывались главным образом совершением памяти усопших родителей... вообще родства... В эти дни царица хаживала... в кремлевский Вознесенский монастырь, который был усыпальницей царских родителей женского колена, и в Новоспасский монастырь, в котором находились гробы родителей дома Романовых. ...Успенский собор – усыпальницу московских святителей, Архангельский собор – усыпальницу царских родителей мужского колена, Чудов монастырь, Троицкое и Кириловское подворья. ...загородные выходы направлялись... в девичьи монастыри, Ивановский, Зачатейский, Алексеевский и Новодевичий.»

«О деяниях царского нищелюбия и по случаю болезней и других домашних невзгод... можно догадываться только по расходным записям о выдаче той или другой суммы на раздачу заключенным и нищим. ...Так, в 1634г., когда скончался патриарх Филарет Никитич, то по нем в течение сорочин каждый день раздавались нищим милостыня от царицы. Раздавал на дворе по рукам царицын дворецкий Федор Степанович Стрешнев... В 1636г. с 20 июня, когда скончалась маленькая царица Софья Михайловна, по ней во все сорочины каждый день раздавалась из хором милостыня нищим...»²⁸

В течение дня у царицы преобладали дела милосердия, дела помощи нуждающимся. «Однажды царице Евдокии Лукьяновне было одно следующее челобитие: «Бьют челом сироты ваши государские, бедные заключенные из темницы, из Розряду, из казенки, Литва, Татаровя, Немцы и всякия людишка 27 человек. Помираем, государыня великая, бедные заключенные с голоду; ни милости царской, ни милости нам, бедным николи не идет. Смилуйся государыня, для своего многолетнего здоровья и своих христолюбивых чад, вели нас, государыня, заключенных напоить и накормить». Вообще «царский быт в своих основах... ничем не отличался от обыкновенного вотчиннического или помещичьего быта... и здесь очень естественно... попечения о своих домочадцах... Вот почему все девицы всякого чина, жившие во дворце царицы... были выдаваемы замуж ... по одобрению самой царицы. ...при хоромах царицы жило много девочек-сиротинок... Из таких случаев особенно часто встречалось крещение в православную веру иноземок. ...При царице Евдокии Лукьяновне одна из новокрещенных немок, девка Авдотья Капитонова, находилась даже в собственной комнате царицы, была ею очень любима и исполняла все комнатные ближайшия ее поручения и приказания».²⁹

Немало забот и хлопот царице доставляло и ее вотчинное хозяйство. Для Евдокии Лукьяновны такою домашнею вотчиною было село Рубцово-Покровское, старинная вотчина Романовых, принадлежащее в свое время матери Михаила Федоровича, инокине Марфе. «При Михаиле Федоровиче Рубцово (Покровское) было любимым летним местопребыванием царской семьи и потому на устройство тамошнего хозяйства были употреблены тогда немалые заботы. В 1632 г. печатного дела мастер Онисим устроил там пруды, а в 1635 г. разведены сады, которые в 1641 г. снова строил немец доктор Венделинус Сибилис. ...были

²⁸ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. – С. 137, 143, 146,147

²⁹ Там же. – С. 162-164

еще весьма значительные «по преимуществу садовые хозяйства в селах Коломенском и Воробьеве, которые тоже служили увеселительными дачами для царской семьи».³⁰

Много времени занимало у царицы ведение дел по ведомству ее Постельного приказа. Эти дела «касались хозяйского и служебного устройства различных частей царицына обихода и всего ее чина. Она утверждала... определение и увольнение всех служителей своего двора; приказывала те или другие расходы, выдачи, раздачи, покупки, посылки, подачи и т.д. ...ее же решениям подчинялась, и ее Судимая и Судная палата...».³¹

Кроме того, царица должна была состояться (и состоялась, раз выжила сама и уберегла свою семью, свой род) как лидер сложнейшей женской среды родов Романовых, Стрешневых, им родственных родов и не только, составивших правящую партию со времени восшествия Михаила Федоровича на российский престол, и реализации их брака. «Это закрытое в своих теремах общество, никому не видимое во дворце, становилось по временам политической силою, которая своим подземным влиянием давало известное направление государевым поступкам и делам, возводило людей на высоту царских милостей, а стало быть и управления, или низвергало их с этой высоты, поддерживало падающих или помогало им в падении. История этого общества нема по той причине, что ее героями бывали все люди неписьменные, живые в покорении, в монастырском постничестве и молчании; но она весьма значительна и любопытна по несомненному присутствию ее скрытых деяний во многих государственных делах».³²

В начале XVII века затворничество женщин, изоляция их от общественной жизни была делом окончательным, не подлежащим никакому сомнению. Однако, судьба первой царицы из династии Романовых, как исторический срез, вскрывает истину: природная женская сущность (хранительницы, охранительницы потомства, очага, семьи, дома), породившая «родовую идею» структурирования общества (творца нашего национального единства, нашей силы, спасения, достоинства, но и источника всех наших напастей), вырабатывает, независимо от специфики исторической эпохи, действующую параллельно бюрократии, неформальную систему социального управления, подпитывающей, корректирующей, страхующей, а подчас и заменяющей формальную.

³⁰ Там же. - С. 166, 167

³¹ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. - С. 161

³² Там же. - С. 165, 166